

Дело было решено, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ решили действовать порознь.

Перед выходом Чжэцзы-гэ обернулся и спросил:

— Сообщить ли твоему дедушке об этом?

Даже если не сообщать, старик Лю, Лю Цюаньфу и другие быстро узнают об этом. К тому же в тот же день Пятый дядя Лю приведет стариков, и Лю Яоцин не сможет оставить Лю Цюаньцзиня в теплице работать — ему придется выйти и принять гостей.

Подумав, Лю Яоцин ответил:

— Чжэцзы-гэ, подожди, пока вернешься. Мы вместе пойдем к деду и все объясним.

Чтобы не получилось так, что сейчас не скажем, а потом Лю Цюаньфу использует это как предлог для упреков. Лю Яоцин сейчас не считал это проблемой, даже был готов разобраться с ними, ведь его семья жила все лучше, а их жизнь становилась все хуже.

Когда все дела были сделаны, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ встретились на горе и вместе отправились в деревню.

У входа сидели два парня, молодые, одетые в тонкую и рваную одежду, дрожащие от холода, но их глаза, брошенные в сторону, блестели ярко.

— Вы пришли в гости к родственникам? — спросил Лю Яоцин, у которого как раз в кармане оказалась горсть арахиса, и он высыпал её парням.

Они переглянулись, сглотнули слюну, но не протянули руку.

Парень перед ними был с тонкими и нежными пальцами, явно не привыкший к тяжелой работе, с белым лицом и приятной внешностью, одетый в хорошую ткань — он явно был не из их круга.

— Здесь дом моего дедушки. Если вы пришли к родственникам, то мы с вами тоже родственники, так что берите. — Лю Яоцин внимательно рассмотрел парней, их глаза были почти точной копией глаз Ли-ши, и он понял, что это, должно быть, родня.

— Мы с Чжи-гэром пришли с отцом и матерью, — тихо сказал старший из парней, принимая арахис.

— Понял, — кивнул Лю Яоцин и, взяв Чжэцзы-гэ за руку, вошел в дом.

Лю Цюаньфу и Младшая Ли-ши не было дома. Старик Лю и Ли-ши сидели на кане, а внизу были двое незнакомцев, которых Лю Яоцин никогда раньше не видел. Судя по одежде, это были родители парней у входа, а на краю кана сидела девушка.

На низком столике на кане лежали немного арахиса и конфет. Сяо Бао держал их в руках, ел по несколько орешков, а затем по конфете, а девушка смотрела на него с надеждой, а он только ухмылялся, но не давал ей ничего.

— Дедушка, бабушка, — Лю Яоцин не подошел слишком близко, а, взяв Чжэцзы-гэ, сел на скамейку. — Кто это?

— Мертвецы, — вдруг сказала Ли-ши.

У женщины покраснели глаза, она вытирала их рукой, на тыльной стороне которой были сильные обморожения, красные и опухшие. Мужчина рядом опустил голову, его лицо было покрыто шелушащейся кожей, одет он был тонко и выглядел очень скованно.

— Что случилось? — Лю Яоцин не хотел вмешиваться в дела старика Лю, но раз уж он столкнулся с этим, то придется разобраться. Ведь он теперь не простой человек, а один из самых уважаемых в деревне Шангу.

Нужно постоянно поддерживать свой имидж.

— Ты ребенок третьего брата? — тихо спросила женщина, вытирая слезы. — Я твоя тетя.

Теперь Лю Яоцин все понял.

Женщину звали Лю Цзиньмэй, она была первым ребенком старика Лю и Ли-ши. Поскольку она была девочкой, старики не любили её, с самого рождения не заботились и постоянно заставляли работать.

Когда-то, кажется, Ли-ши хотела продать старшую дочь, чтобы купить еду для Лю Цюаньфу, который с рождения был избалован и никогда не работал, но Лю Цзиньмэй узнала об этом заранее и сама ушла из дома.

За эти годы Лю Цзиньмэй несколько раз отправляла весточки, но старик Лю и Ли-ши не обращали на них внимания и не собирались приглашать её обратно погостить. В их глазах эта дочь была почти врагом, и чем реже они её видели, тем лучше.

Лю Яоцин же думал, что Лю Цзиньмэй и Чжан Дашань были одеты в лохмотья, с ними были два парня и девушка, но не было ни одного крепкого мужчины. Старик Лю и Ли-ши, вероятно, боялись, что их обременят, или не видели в этом выгоды, поэтому считали дочь мертвой. Если бы Лю Цзиньмэй и Чжан Дашань были одеты в золото и шёлк, а за ними следовали бы три-пять служанок и слуг, отношение стариков было бы совсем другим.

Жизнь непредсказуема, и кто мог подумать, что бывают такие жестокосердные родители, которые могут спокойно смотреть, как их дочь страдает, и ничего не делать?

— Сегодня уходите, здесь для вас нет места, — мрачно сказала Ли-ши, не взглянув на Лю Цзиньмэй ни разу. — Если не уйдете, я велю вас выгнать...

Лю Цзиньмэй выглядела печальной, видимо, ей было что сказать.

— Дедушка, завтра я устрою пир на горе, Пятый дядя Лю и старейшины деревни будут там, я специально пришел, чтобы сообщить тебе об этом, — прямо сказал Лю Яоцин. — Если ты хочешь прийти, я добавлю для тебя место...

— Я подумаю, — ответил старик Лю.

— Хорошо, у меня еще дела на горе, я пойду, — быстро поднялся Лю Яоцин и, взяв молчавшего всё это время Чжэцзы-гэ, вышел из дома.

Два парня всё еще стояли у входа, в руках у них было немного арахиса, но они почти не ели. Увидев, что Лю Яоцин вышел из главной комнаты, они улыбнулись и, смущенно отступив, дали ему и Чжэцзы-гэ пройти.

На улице Чжэцзы-гэ ускорил шаг, поравнявшись с Лю Яоцином, и спросил:

— Почему ты вдруг перестал спрашивать о них?

— У этих двоих жизнь тяжелая, столько лет не возвращались, а теперь вдруг пришли с детьми. Я думаю, тут что-то не так, — ответил Лю Яоцин. — Пока не знаю, хорошо это или плохо, но нельзя сразу брать это на себя.

— Ты боишься, что они повиснут у нас на шее? — Чжэцзы-гэ сразу понял.

— Не то чтобы боялся. Я просто боюсь, что она не понимает границ, как мой отец, который постоянно думает о том, как перетащить хорошие вещи с горы к деду, чтобы дядя и другие могли ими пользоваться. Он даже не думает о том, что в мире нет таких благ, чтобы кто-то просто так давал тебе хорошие вещи. Такие люди и ненавистны, и жалки, но это мой отец, и с этим ничего не поделаешь. Если тетя окажется такой же, я, наверное, не смогу удержаться от того, чтобы не поступить по справедливости. — В конце Лю Яоцин сам засмеялся. — Чжэцзы-гэ, не смейся надо мной, у меня широкая душа.

Чжэцзы-гэ сжал губы, действительно не засмеялся, а с горящим взглядом посмотрел на Лю Яоцина и сказал:

— Лю Яоцин, я каждый день думаю о тебе.

— Конечно, но это взаимно, и так будет всю нашу жизнь.

— Да, всю жизнь.

На горе всё уже шло своим чередом. В мастерской лепешек кипела работа, оттуда постоянно валил пар, и было совсем не холодно. Су Ци и другие в этом году все переоделись в одинаковую одежду, на спине которой было написано: «Мастерская лепешек усадьбы Цинь-Лю».

Это была одежда, которую Лю Яоцин попросил Ли-ши и других женщин, умеющих хорошо шить, сшить для них. Ткань была плотной, и в ней было совсем не холодно.

Проверив склад с лепешками и записав все, Лю Яоцин позвал Юй-гэра, который работал вместе с Су Ци, и сказал:

— Завтра на гору придет много деревенских, так что ты оставайся в мастерской лепешек, не выходи, и еду тебе принесут. Вечером вернешься и скажешь тете, чтобы она не волновалась.

Лю Цюаньюнь всё еще был в городке, и Лю Яоцин не мог быть спокоен за Юй-гэра, даже если деревенские могли с ним контактировать.

С тех пор как они переехали на гору, Юй-гэр заметно вытянулся, жил комфортно, и его внешний вид изменился — он становился всё красивее.

— Я понимаю, — кивнул Юй-гэр.

Выйдя из мастерской лепешек, Лю Яоцин отправился в теплицу, чтобы обсудить работу Лю Цюаньцзиня и сказать, чтобы завтра он не работал, а просто участвовал в пиру. В теплице работало не так много людей, и все были знакомыми: Лю Саньтяо, Лю Шуйхэ и Лю Даню, так что они справлялись.

Закончив с делами, Лю Яоцин вернулся в дом, забрался на кан и больше не хотел с него

слезать.

Чжэцзы-гэ принес несколько огурцов, полмиски клубники и полмиски помидоров и, улыбаясь, сказал:

— Перекуси немного.

Достав из-под одеяла спящего Мао Бая, Лю Яоцин отломил половинку огурца и попытался накормить его. Тот, сонный, клюнул, но, почувствовав незнакомый вкус, хотел выплюнуть, но Лю Яоцин зажал ему клюв.

Круглый Мао Бай не рассердился, но, проглотив, выглядел немного обиженным. Он любил только мясо и не хотел есть ничего другого...

— Ты что, на меня злишься? — строго сказал Лю Яоцин. — Так нельзя, я же твой отец, я тебя высидел и вырастил, ты можешь злиться на кого угодно, но только не на меня.

<http://bllate.org/book/16688/1532095>